

сильное воздействие, чем факторы организованные. Школа жизни намного сильнее собственно школы (семьи, университета, церкви). В случае если их влияния разнонаправлены или не скоординированы, то возникает система рисков для человека и общества.

То, что школа жизни по своему влиянию сильнее собственно школы, заметил еще в XIX в. великий педагог К.Д. Ушинский, который отметил следующее: «Школа не может опрокинуть жизнь, но жизнь легко опрокидывает деятельность школы, которая становится поперек ее пути. Школа, противящаяся жизни, сама виновата, если не внесет в нее тех благодетельных умеряющих влияний, которые может и обязана внести» [4]. Сейчас школе как социальному институту значительно труднее вносить в жизнь «благодетельные умеряющие влияния», потому что огромные влияющие возможности имеют другие факторы.

Следует отметить, что недостаточно внимания уделяют нравственным проблемам общества средства массовой информации, терпит кризис семья как важнейший институт социализации растущей личности. В решении обозначенных проблем важная роль принадлежит православной церкви.

При этом, духовный вклад митрополита Иосифа Семашко в проблему нравственности человека имеет неоценимое значение.

Литература и источники

1. Лаптенко, И.И. Духовно-нравственный мир молодежи: пособие для педагогов и руководителей школ / С.Д. Лаптенко. – Минск : Амалфея, 2001. – 176 с.
2. Рангелова, Е.М. Нравственная культура ученика / Е.М. Рангелова // пер. с болгар. С. Волчановой [и др.] – Минск : Белгосуниверситет, 1998. – 183 с.
3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь // Нац.реестр правовых актов Респ.Беларусь. – 1/2852.

4. Ушинский, К.Д. Человек как предмет воспитания / К.Д. Ушинский // Собр. соч. – Москва : изд-во АПН РСФСР, 1960. – т.8. – 776 с.

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА И РЕЛИГИЯ: ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ – К ДИАЛОГУ

*Приходько Ф.С.
(Горки, Беларусь)*

Вопрос о характере взаимодействия науки и религии относится к числу «вечных». В каждую из эпох он решался по-разному. На характер противостояния религиозных и научно-атеистических ценностей влияют социокультурная ситуация, политические и социальные противоречия и конфликты современного общества. Так, в последнее время на постсоветском пространстве обсуждается вопрос о вариантах мирного сосуществования и взаимодействия светского и религиозного образования [1]. Поскольку в основе светского образования лежат научные представления о природе, обществе, человеке, культуре, то одним из аргументов против сближения светского и теологического образования выступает утверждение о том, что научное и религиозное мировоззрения являются не совместимыми, антагонистическими, а наука находится «по одну сторону баррикад» с атеизмом [2]. В современной социокультурной ситуации подобное утверждение является ошибочным.

С развитием постнеклассической науки многие критерии разграничения научного и вненаучного знания, которыми руководствовались в эпоху классической науки, подвергаются переосмыслению: становится очевидной неизбежность недоказуемых предпосылок в науке, выявлена теоретическая нагруженность эмпирических фактов, абсолютная достоверность научного знания оказалась недостижимой

и т.д. Научное сообщество согласилось с тем, что объект не дан исследователю в его первоначальном состоянии. Он изучает не объект как он есть «сам по себе», а то, как предстало перед ним взаимодействие объекта со средствами исследования. Актуализировалось представление об активности субъекта познания. И. Кант в своей философии совершил «коперниканский» переворот в теории познания, обосновав мысль о том, что субъект познания конструирует мир явлений, то есть мир объектов научного знания. Другими словами, научное знание характеризует не действительность, как она есть сама по себе, а некую сконструированную чувствами и рассудком реальность. У Канта не характер и структура познаваемой субстанции, а специфика познающего субъекта рассматривается как главный фактор, определяющий способ познания и конструирующий предмет знания.

Возникает вопрос: если идеал науки, ориентирующий исследователя познавать мир с помощью строго рационального осмысления эмпирических данных, отсекая недоказуемые метафизические суждения, оказался недостижимым, и ряд априорных постулатов все равно неустраним из научного познания, стоит ли настаивать на том, что научное и религиозное мировоззрения являются антагонистическими, а наука находится «по одну сторону баррикад» с атеизмом.

Большой массив знаний о мире, в том числе научных, не соответствуют критериям «классической научности» и, следовательно, жесткие барьеры между научным и религиозным знанием размываются. К. Поппер показал, что ни одна научная теория не может категорично претендовать на истинность. Развитие науки сводится к тому, что более ошибочные теории вытесняются менее ошибочными, но все же содержащими ошибки.

По Куну, каждая доминирующая научная парадигма (модель мира, интерпретация, «дисциплинарная матрица») на последующем этапе развития науки меняется на другую, не обязательно лучшую, более «соответствующую действительности», а просто иную (в одну эпоху

мир объясняли так, в другую объясняют иначе, сами же эти объяснения вполне равноценны и альтернативны). Вывод парадоксален – научная парадигма именно потому является научной, что она опровергается в какой-то момент другой парадигмой, идущей ей на смену [3].

Однако это вовсе не означает исчезновения различий между научным и религиозным знаниями. Что же общего и различного в этих видах знания?

Более рельефно общее между наукой и религией высвечивается при рассмотрении соотношения веры и знания. Обнаруживается, что значительная часть того знания, которое обычно именуется как научное, является «научной верой». Это, прежде всего, принимаемые без достаточных, исчерпывающих оснований научные теории, концепции и гипотезы, а также некоторые методологические нормы науки (например: «при выдвижении гипотез необходимо учитывать всю доступную информацию»).

Вера, в том числе религиозная, это «вероятностное знание», признанное субъектом в силу различных обстоятельств потенциально допустимого истинным, соответствующим объективной реальности. Вновь обратим внимание на то обстоятельство, что не только в сфере религиозного знания, но и в науке фактов достижения несомненной достоверности значительно меньше, чем предполагалось во времена доминирования классической научной рациональности.

И для научной, и для религиозной веры гранью, отделяющей их от знания, является наличие или отсутствие «совершенно достаточных оснований», позволяющих квалифицировать утверждения как несомненно истинные. Однако, кроме простых ситуаций «непосредственной и ясной очевидности», понятие «совершенно достаточных» для знания оснований весьма расплывчато и переменчиво в истории, поэтому грань между верой и знанием подвижна, неопределенна. Четкого общепризнанного критерия, устанавливающего границу между «более обоснованным» научным знанием и «менее обосно-

ванным» религиозным, не существует. Тем не менее мы способны более-менее удовлетворительно отличать их друг от друга [4, с. 70].

Отсюда, большой массив знания, который мы классифицируем как «научное знание», относится к научной вере. Тем не менее, научное и религиозное знание основываются пусть не на исчерпывающих, но достаточно веских основаниях в пользу своей истинности. Таким образом, научное знание включает в себя большой набор относительных истин, утверждений научной веры, а религиозное знание также состоит из часто недоказуемых, но возможно истинных высказываний.

Отличие между наукой и теологией состоит в том, что методология науки сознательно стремится минимизировать число принимаемых на веру предпосылок, оставив в их числе лишь приемлемые для максимально широкого круга рационально мыслящих людей.

В современной техногенном обществе резко возрастает ответственность ученых за научные открытия и последствия их внедрения. Нынешний уровень развития науки дает возможность не только «покорять» и изменять окружающий человека мир, но и вторгаться во внутренний мир самого человека, изменять и конструировать генетическую основу, манипулировать его сознанием с непредсказуемыми последствиями. Религия наработала огромный интеллектуальный и духовно-нравственный потенциал для формирования у исследователя определенных взглядов на мир (и на свое место в нем), его жизненной позиции, убеждений, идеалов и нравственных принципов, его интересов, пристрастий, ценностных ориентаций и т. д. Она может дать современному ученому определенные ценностные установки и смысло-жизненные ориентиры, которые в существенной степени (особенно в гуманитарных науках) могут влиять на процесс научного исследования и его конечные результаты.

В Республике Беларусь выстроен эффективный механизм партнерства духовной и светской сферы. Диалог между наукой и рели-

гией является важнейшей предпосылкой формирования современной образовательной парадигмы. Объединение усилий Церкви, научной и педагогической общественности в сфере образования будет способствовать распространению здорового образа жизни, активизации человеческого потенциала, формированию таких личностных качеств, как патриотизм, гражданская активность и ответственность, толерантность, сострадание.

Литература и источники

1. Цыплаков Д.А. Духовное образование в постсекулярной России / Д.А. Цыплаков // Идеи и идеалы. – 2016. – Т. 2. – № 1 (27). – С. 3–13.
2. Гусев, Д.А., Потатуров В.А. Дискуссия о теологическом образовании в контексте клерикализации современного российского общества / Д.А. Гусев, В.А. Потатуров // Политика и общество. – 2017. – № 4 (145). – С. 155–165.
3. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – 2-е изд. – Москва : Прогресс, 1977.
4. Шахов, М.О. Реализм как общая основа религиозного и научного знания М.О. Шахов // Вопросы философии. – 2008. – №10. – С. 66–77.

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

*Шершнёва Т.В.
(Минск, Беларусь)*

Современные информационно-коммуникационные технологии включены во все аспекты жизнедеятельности человека. Интернет предоставляет широчайшие возможности для общения, обучения, развлечения, покупок, удаленной работы и т.д. Глобальная сеть охватывает все уголки планеты, в ней человек имеет возможность полной